

МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С.Б. Быстрянец

НАУЧНЫЙ ЗАКОН КАК ФОРМАЛЬНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК НАУЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ

В статье выдвигается предположение о том, что научный закон как форма научного знания является важным элементом научного исследования и в естественных, и в социальных науках. Различные методологические школы изучали различные аспекты формулировки научных законов. Важна ориентация исследователя на поиск закона — это формальный признак научности.

Идея целесообразности, упорядоченности общественной жизни всегда присутствовала в размышлениях о совместном существовании людей. Возможно, история цивилизации начинается с появления идеи единства, «солидарности», не случайности, упорядоченности общественной жизни. Социальным детерминизмом пронизаны труды крупнейших социальных мыслителей, предшественников социальной науки. На убеждении в существовании детерминистической связи между всеми общественными явлениями была основана вера в возможность открыть, сформулировать и позитивно использовать универсальные, устойчивые социальные связи, зависимости, тенденции.

В истории социальной науки, как отмечают российские историки социологии (Гофман 1997: 36–43), переплелись два типа законов — онтологические и деонтологические, первоначально доминировавшие. Онтологические законы — правила, принципы и свойства, относящиеся к естественному ходу вещей, исключая чье-либо вмешательство. Деонтологические законы — правила и принципы, выступающие в качестве обязательных для исполнения норм. По сути, второй тип законов представлял собой нормы религии (божественные законы), права (юридические законы), морали (законы нравственности) и некоторые другие.

Социальные науки имеют дело с онтологическими законами, то есть законами, действующими в социальной реальности, подобно природным законам. Социальные мыслители всегда были немного социальными инженерами, так как ставили перед собой и обществом практические задачи. Такую позицию можно считать вполне научной. Наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности (объект в исходном состоянии), в чем-то не удовлетворяющих людей, в некое желаемое состояние (объект в конечном состоянии). Это преобразование всегда происходит на основе представления о сущностных связях, законах изменения и развития объектов. Общественная деятельность людей может быть успешной только тогда, когда она согласуется с этими законами. Поэтому у социальной науки одна основная задача — выявить законы, в соответствии с которыми изменяется и развивается социальная материя. Социальная наука появляется и развивается как эмпирическая и прикладная. Отсюда ориентация на изучение социальных фактов и институтов, с

последующим их совершенствованием, включением в преобразующую деятельность, и их исследование как подчиняющихся объективным законам функционирования и развития.

Со времен выхода работы Монтескье «О духе законов» научный закон стал рассматриваться как высшая форма научного знания. В открытии неизменных общественных законов и тенденций видели смысл изучения социальной материи и истории. Научное объяснение не может быть лишь описанием совокупности событий, требуется их объяснение через установление связей, существующих между элементами и явлениями общественной жизни. Наука дает такие объяснения в форме законов. Поэтому научный закон — цель исследовательской деятельности и смысл науки.

Мы будем исходить из того, что научный закон — это суждение, высказывание об объективно существующей, необходимой и существенной связи между явлениями общественной жизни, которой присущи такие черты как всеобщность, постоянство и предсказуемость. Такое суждение должно отвечать требованиям теоретической обоснованности, логической приемлемости, социальной коммуникативности, практической применимости.

О. Конт обращал внимание на то, что научный закон — это суждение об однородных явлениях. «Принцип неизменности естественных законов начинает действительно приобретать некоторое философское основание только тогда, когда первые истинно научные работы смогли обнаружить полную точность этого принципа для целого класса важных явлений...» (Конт 2003: 82). Однородные явления в социально-политических науках представляют собой однородные отношения. Отношение здесь есть определенная последовательность событий, в которых одно событие является необходимым и достаточным условием другого события. Отношение в социальной сфере может обладать характером одновременного появления, сосуществования и взаимодействия определенных свойств всего или части однородной совокупности объектов. Суждение о протекании такого отношения можно назвать научным законом.

В истории социальной науки, видимо, первой попыткой формулировки закона был «закон самоубийства» Э. Дюркгейма. «Число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид» (Дюркгейм 1994: 128). Данный закон стал, с нашей точки зрения, образцовым для социальных дисциплин, особенно для социологии. Он фиксирует высокую степень корреляции социальных явлений и даёт возможность говорить о специфике законов социально-политических наук. Переменные, включенные в утверждение, должны быть определены как социальные факты, так как сама социология эти факты изучает. Зависимость между социальными фактами есть социальный закон. Согласно Дюркгейму, к социальным фактам принадлежат все вещи и события в жизни человека. Поэтому, на первый взгляд, любой закон любой сферы человеческой деятельности можно назвать социологическим. Однако социология — особая наука, поэтому дефиниция социологического закона должна быть более строгой. Социологическими законами Дюркгейм называет только те, которые обладают свойствами, относящимися к группе людей как коллективу, причем эти групповые свойства должны относиться к её внешним характеристикам.

Кроме основных типов законов можно выделить множество законообразного типа обобщающих суждений, типов генерализации. Например, суждения о последовательности событий во времени или о последовательности стадий развития социального процесса; количественные закономерности, в которых фиксируются функциональные отношения и зависимости между определенными величинами; статистические законы, которые говорят о корреляции между событиями и свойствами наблюдаемых единиц, и др. Различного рода обобщения в процессе научного исследования могут иметь самое разное значение и выполняют соответственно различные функции. Каждое исследование задумывается либо как изучение конкретной частной проблемы, либо как изучение общественной подсистемы (например, политической) или общества в целом. И результат каждого из них — либо создание социального факта, либо поиск общественного закона. Но какие бы

обобщения ни формулировались в процессе исследования, они предполагают в той или иной степени подход к формулировке закона.

Практическая направленность сформулированных социальной наукой законов, непосредственный выход их в общественную практику требуют продуманности, внимания к исследовательским установкам, из которых они возникают, и к тому, как они возникают.

С инструменталистской точки зрения можно выделить различные виды обобщающих суждений в соответствии с их местом в исследовательском процессе.

Наиболее важным элементом, присутствующим в обобщениях любого типа, вездесущим и обязательным для исследования, является идентификация, то есть указание на устойчивые или повторяющиеся единицы, составляющие наблюдаемый объект. Знание начинается с того, что обращают внимание на отличия, но каждое отличие предполагает тождественность, идентичность. С понимания различий, гетерогенности объекта начинается его познание. Аристотель, И. Кант началом познания называют различение причин и следствий рутинных, ставших привычными явлений, выраженных в символах. Трудно представить процесс познания без узнавания этих символов, то есть без какого-то постоянства, благодаря которому то, что уже известно, признается таковым. Альфред Н. Уайтхед отмечает, что узнавание есть источник всего нашего естественного знания, знания здравого смысла. Любая научная теория — не что иное, как попытка систематизировать наше знание об обстоятельствах, в которых такое узнавание будет происходить. Наука, следовательно, это изучение постоянств и поиск инвариантов этих постоянств. Научное исследование с этой точки зрения — это процесс создания идентификаций на основе неких регулярностей, постоянств, наблюдаемых в общественной жизни, которые рассматриваются как наиболее важные для контроля и оценки последующей общественной практики (Whitehead, 1948). Проще говоря, основной научный вопрос, вопрос о том, «что» же всё-таки происходит.

Любой ответ на этот вопрос — есть неизбежное обобщение, в котором специфика происходящего соотносится с универсализированной категорией «что». Универсализированной потому, что она не обязательно является ограниченной приложением к данному частному, конкретному случаю или к фиксированному набору частных, скорее даже наоборот. Именно такой акт утверждения лежит в основе понимания взаимосвязи.

Каждый такой акт основан на идентификации, признании похожести при всём многообразии в пространстве, историческом времени или форме по формуле: один из ряда однотипных единиц. Именно по этой причине такое знание могут называть внешним знанием, формальным знанием явления, так как само оно продолжает оставаться частью объективной реальности независимо от нашего знания о нём. Стремление к знанию о реальности — конечная цель познавательного процесса, но цель недостижимая из-за постоянной изменчивости социальной материи. Из идентификации и вырастает знание; понять что-либо означает знать о нём как можно больше.

Идентификация как элемент законообразного суждения сглаживает различие между идеографическими и номотетическими науками, между науками, целью которых является изучение конкретного, частного и науками, нацеленными на поиск законов, общих для всей социальной системы. В процессе идентификации то, что принимается как частное, индивидуальное уже является результатом обобщения. Идентификация объединяет частности, данные здесь и сейчас, с тем, что уже было или ещё может быть, в соответствии с общими законами. Подобные законы выполняют важную роль в группировке разнообразия данных об объекте наблюдения, например, индивиде. Они позволяют представить всё разнообразие данных как проявление (внешность) одного и того же индивида, систематизируют данные об окружении индивида. Индивиды, конечно, не предстают перед нами в людском потоке с некими ярлыками типажей, к которым мы

их относим в процессе исследования. Но в теоретическом исследовании индивиды создаются: понимая их, мы их вычленим из общей массы.

Другая функция генерализующих, обобщающих суждений в исследовании — формулировка допущений. Не всё, попадающее в поле зрения исследователя, может быть сразу проблематизировано. «Методологический скептицизм» Декарта является реконструкцией знания, находящегося в безнадежном противоречии с практической логикой и здравым смыслом. Но каждое исследование нацелено на проблемную ситуацию, которая совсем не то же самое, что Дж. Мид назвал «миром, который существует». Мир Дж. Мида столь проблематичен, что проблему нельзя даже сформулировать, не то что решить. Наука не создается из ничего сверхъестественным образом или спонтанным воспроизводством знания из незнания. В случае, если мы лишаем допущения логического статуса, исключаем их из исследования, мы рискуем увязнуть в скептицизме. Задача исследователя заключается не в том, чтобы перейти от полного незнания к знанию. Нужно двигаться от меньшего знания к большему, от знания одного объекта к знанию другого, от неясного и неопределенного к тому, что ясно и гарантировано. Это путь, на который ориентировала социальные науки позитивная философия О. Конта и его закон трех стадий развития.

В любом исследовании содержится не только сумма неких данных, но также набор обобщений, как о социальном объекте, так и об инструментарии, при помощи которого они переводятся нами из эмпирических схем в теоретические когнитивные схемы. Допущения могут быть перенесены в исследования из предшествующих или из других наук, из опыта; они могут быть привычными и традиционными. Ни одна научная методология не лишает исследователя возможности опереться на допущения, скорее рекомендует внимательное к ним отношение.

Допущения привносятся в проблемную ситуацию. Кроме них в исследовании находят место и убеждения, относящиеся к ситуации и проявляющие себя в процессе исследования. Их можно назвать предположениями. Эти убеждения придают ситуации проблемный характер, либо потому, что в начале исследования нельзя точно выразить их в уже имеющихся концептуальных рамках, либо потому, что они противоречат друг другу, либо потому, что они противоречат некоторым допущениям. Именно предположения меняются чаще всего в процессе того, как проблема изучается, решается. Допущения меняются значительно реже. Обычно это свидетельствует о наступлении «научной революции» в трактовке Т. Куна и И. Лакатоса.

Организация и проведение исследовательской работы, в частности, связанной с поиском и формулировкой закона, невозможны без выдвижения рабочих гипотез. Они являются неотъемлемой частью руководства и организации исследования. Они задают постоянный горизонт, перспективу исследования. Рабочая гипотеза — это не отгадка загадки, интуитивное решение по поводу того, каков может быть ответ. Это идея даже не о результатах исследования, а о последующих шагах, которые имеет смысл предпринимать в исследовании. В рабочей гипотезе должна содержаться уверенность в правильности направления исследования, но не обязательно относящаяся к его окончательной цели.

Исследователем могут быть сделаны определенные предположения, суждения, которые выдвигаются вовсе не как утверждения о решениях по поводу проблемной ситуации или о ней самой. Наоборот, предположение может выдвигаться только для того, чтобы в ходе исследования проверить, правильно оно или нет. Часто то, что в социальных науках называется моделями, состоит из предположений. Наиболее известный пример в истории социологии — моделирование структуры общества по образцу биологического организма Гербертом Спенсером.

После того, как исследование началось, может возникнуть предположение и относительно путей исследования проблемной ситуации. Это можно назвать «тестовой гипотезой». Может случиться, что наше предположение верно, и тогда нужно

ориентировать ход исследования таким образом, чтобы это проверить. В этом случае новую гипотезу часто называют «теорией». Как и слово «теория», слово «гипотеза» может в нестрогом смысле использоваться по-разному. Создание тестовой гипотезы означает, что исследователь хорошо представляет изучаемый социальный факт или закон и может типологизировать его по содержанию как частный (среднего уровня) или общий. Обдумывание, размышление о направлении организации исследования в этой точке завершается.

Научные законы не обязательно являются конечным пунктом исследования, его выводами. Они могут присутствовать в исследовании в самом разном качестве. Они могут служить началом исследования и отмечать его окончание. Законы довольно часто используются как правила, на которые ориентируются, к которым подбираются определенные факты. Но они могут рассматриваться и просто как точка зрения на изучаемый объект и служить основанием для поиска исключений, поиска случаев, когда закон не работает. Законы не являются обобщениями, к которым приходят после установления фактов. Законы более важны в процессе определения того, каковы эти факты. Конечно, может случиться так, что без достаточных оснований принимаются некоторые факты, потому что они хорошо согласуются с законом. Они служат для него подтверждающими аргументами.

Некоторые методологи, с нашей точки зрения, наделяют общие суждения гипертрофированным смыслом. Утверждается, что таковыми суждениями исчерпывается значимость исследования и его результатов. Каждое конкретное исследование просто добавляет к неким общим суждениям ссылки на предмет дисциплины. Эта точка зрения высказывалась Л. Виттгенштейном и М. Шликом. Они предполагали, что общие суждения не формулируют базовую позицию исследования, а скорее излагают правила для выдвижения предположений. Вероятно, можно таким путем реконструировать научный закон, и, наоборот, реконструктивная логика, в которой научные законы существуют как правила, позволяет заменять их чем-то, что их включает, более общими суждениями.

Иногда обобщения функционируют в исследовании как правила. В этом случае их можно отнести в разряд предположений и ресурсов. Иногда их можно рассматривать как предпосылки исследования, например, как предположения или тестовые гипотезы. Думается, что понятие научного закона функционально чрезвычайно разнообразно и не исчерпывается указанием на какую-либо одну функцию.

Классический взгляд позитивиста на научные законы заключается в том, что они способствуют фиксации и предвидению появления определенных фактов, которые составляют реальность. Вследствие этого, американский методолог Эрнст Мах называет законы «сжатыми правилами» и говорит об «экономическом офисе» в науке, который, по его мнению, состоит из «наиболее совершенного способа представления фактов с наименьшими затратами мысли»(Wiener 1953). Карл Пирсон рассматривает научный закон как существующий «только будучи сформулированным человеком», это не что иное, как «резюме в интеллектуальной стенографии, которое заменяет для нас долгие описания последовательных операций среди наших впечатлений»(Pearson 1943). Такой взгляд привлекает наше внимание в большей степени к способам использования научных законов, нежели к идее, что они отражают универсальные образцы, стандарты исследований, где определенные предположения соответствуют определенным фактам, данным. Такого типа позитивистская позиция чревата некоторыми недостатками.

Прежде всего, ссылка на интеллектуальную стенографию и экономию мысли сводит роль научного закона к условному обозначению, знаку. Конечно, условное обозначение может скрывать за собой научный закон — это оправдано и полезно. Например, нам не надо подробно объяснять, что такое «правовое государство» или «социальный институт», и на основе этих понятий, включенных в систему законообразных суждений, проводится не одно социологическое или политическое исследование. Но всё же не следует путать условное обозначение с системой его предположений.

Научные законы, конечно, экономят интеллектуальные усилия, но они выполняют и иную работу, которую условные обозначения и понятия выполнять не могут. И характеристика научного закона как описания, экономичного или нет, выглядит предпочтительнее, чем точка зрения, изложенная Брайтвайтом (Braithwaite 1956: 348) или Нагелем (Nagel 1961: 119), что в строгом смысле слова научный закон вообще ничего не описывает. Научный закон — это описание прошлого, но самое главное — будущего. Так как в своей формулировке закон никоим образом не ограничен наблюдаемыми переменными, он «описывает» будущее, так же как прошлое, если к ним мы можем применить соответствующую терминологию. А поскольку научный закон условен по форме, он даёт описание состояния, которое может никогда и не наступить.

Что же все-таки отличает научные законы от других научных суждений? Нужно различать так называемые «номологические» обобщения и те, которые формулируют только «случайные» обобщения. Их различие становится понятным при сравнении контрафактных условий: утверждений о том, что было бы, если бы что-то было верно, хотя на самом деле это не так.

Рейхенбах в работе «Теория вероятности» (Reichenbach 1949) попытался осуществить совершенно другую реконструкцию формулы «если — то», опираясь на то, что он называет «объединяющей операцией», которая не зависит только от ложности А или истинности Б. Контрфакты оправданы, когда их поддерживают традиционные универсалии. Предположения типа: «если бы этой спичкой, которую только что сломали, чиркнули, она бы зажглась» — верны, не потому что условия предположения ложные, а потому, что чиркнутая спичка зажигается. И такое обобщение не просто оказывается верным. Это выражение близко к закону.

Не каждое верное всеобщее (универсальное) обобщение можно называть традиционным обобщением. Можно выделить некие требования к нему.

Во-первых, обобщение должно быть действительно всеобщим, неограниченным в пространстве и во времени. Оно должно содержать формулировку того, что проявляет себя всегда и везде, при условии, что присутствуют все соответствующие ему факторы.

Во-вторых, обобщение не должно быть безусловно бессмысленным, то есть истинным только потому, что ничто не удовлетворяет поставленным условиям. Утверждение: «Каждый президент России — женщина балансирует бюджет» является истинным; нет противоположных случаев. Но это станет законом политической экономии, только если это можно будет вывести из других законов, касающихся бюджетного поведения женщин в России.

В-третьих, эмпирические данные для обобщения не должны совпадать с границами их применения, эти границы не должны быть закрытыми. В ходе президентских выборов 1920–1960 гг. в Соединенных Штатах избирался кандидат партии с самым длинным именем. Но мы не можем сказать, что это суждение, каким бы то ни было образом, отражает закон, так как наши основания для подобного суждения ограничены нашим знанием фактов истории, к данному суждению относящимся. Здесь требуется иное доказательство, касающееся влияния имен на электорат.

В-четвертых, у нас должна быть возможность получить традиционное обобщение из других законов, то есть оно должно быть частью научной теории. Иначе мы получим то, что можно назвать «эмпирическим обобщением», а не законом. Обобщения, касающиеся сезонных или географических изменений, многие обобщения, сделанные на основе исторических фактов, всегда будут «чисто эмпирическими», по крайней мере, пока мы не соотнесем их с «идеальными типами», как рекомендует М. Вебер.

И, наконец, чтобы быть законом, традиционное обобщение должно быть истинным. Суждения, которые удовлетворяют всем предшествующим условиям кроме этого, нужно рассматривать как законообразные или законоподобные. Закон — это истинное законоподобное суждение.

Если наше исследование имеет целью решение проблемы, обычным является обращение к научным по форме утверждениям. Форма и содержание утверждений предопределяют друг друга. Эта связка проявляет себя в наличии определенных операторов типа «все» или «кое-кто», имен собственных, разного рода заявлений. Это некий формализованный язык генерализующих суждений. Неверно искать отличительные свойства научных законов в специфике языка, на котором они излагаются. Форма следует за функцией, и различие между законами и иными утверждениями следует понимать в плане той специфической роли, которую они играют в исследовании.

Исходя из этого, мы можем идентифицировать формы, характерные для суждений, к которым обращаются для реализации неких ролей, подобно тому, как злодея идентифицируют по небритым щекам, хотя, разумеется, не густая щетина делает его злодеем.

С этой точки зрения очень важно формулировать законы, опираясь на другие законы и их свойство в свою очередь объяснять другие законы. Термин «законообразность» можно рассматривать как отметку происхождения, означающую, что существуют иные причины верить данному суждению, кроме представленных в доказательстве случаев. В любом случае анализ и различение закона невозможны на основе синтаксического анализа. Разница между законом и случайным обобщением — в качестве свидетельств, лежащих в основании суждений. Отметим, что качество свидетельств никоим образом не связано с весом, длиной или иной количественной характеристикой. Очень важно знать, не только как мы пришли к данному закону, какова его функция, но и как в дальнейшем будет работать закон на последующих стадиях исследования. Перспектива использования отдалена от исследователя, поэтому всегда есть искушение рассматривать функцию закона исходя из его происхождения.

Однако не так важно, рассматриваем ли мы закон функционально или генетически, важно, как он связан с общим ходом исследования.

Существует искушение предполагать, что основное отличие научных законов от других суждений в их утвердительности, они утверждают, провозглашают существование традиционной связи между социальными фактами или классифицируют такую связь как случайную. Но не изменяющийся длительное время образец развития событий, который дает нам научный закон, это не что иное, как постоянство доказательной функции. Подобное постоянство легко спутать с экзистенциальной повторяемостью. Закон предсказывает, что похожие, идентичные вещи, события происходят снова и снова, вне зависимости от временной и пространственной характеристики, удерживая ход событий в едином предсказуемом, понятном порядке. Однако если мы говорим об исторических событиях, то общеизвестно, что история не повторяется, а если мы говорим об обобщенных социальных типах, в основе которых взаимосвязи, взаимозависимости, то не имеет смысла говорить о них как о событиях, регулярно или нет происходящих в исторических последовательностях. Эта идея подтверждается Джеймсом Дьюи: «Законы, поскольку они являются необходимыми средствами определения последовательностей в данных отдельных случаях, не имеют последовательного содержания, и отдельные события, определенные ими, не являются повторяющимися»(Dewey 1939).

Можно выделить обобщающие суждения двух типов: традиционные суждения с экзистенциальной ссылкой, приписывающие некие черты дискриминированным видам, и универсальные суждения в абстрактной форме «если — то», точно определяющие тип или операции, на которые можно положиться без дополнительной проверки, когда мы совершаем операцию дифференциации. Первые указывают, верно ли то, что нам удалось обнаружить. Вторые формулируют нашу уверенность в том, что должно быть верным, на что можно рассчитывать, двигаясь к научной истине. Именно на это следует обращать внимание, когда мы говорим о научных законах в социальных науках, а не только на указание на известное постоянство связей или последовательностей.

Один из вопросов, который следует затронуть — вопрос о специфике социально-политических дисциплин, как дисциплин, которые изучают поведение человека. Связано ли изучение поведения людей с открытием и формулировкой законов вообще? И как следствие — могут ли социально-политические дисциплины называться науками? Столетие назад М. Вебер и особенно автор «понимающей психологии» Вильгельм Дильтей настаивали на том, что изучение культурных явлений, человека и результатов его деятельности связаны с конкретным индивидом, которого нельзя подвести под абстрактные универсалии, являвшиеся для них референтами общих законов. В отличие от мира природы социокультурный мир — результат действий, поведения человека, которые осмысленно соотношены с потребностями и интересами людей. Социокультурный мир зависит от воли человека и не является необходимостью в аристотелевском смысле слова как бытия в природе вещей независимо от человеческой воли. Отдельные ситуации и события осмысливаются людьми, поскольку они облегчают или затрудняют достижение целей, а также придают смысл предметам и вещам, которые обладают ценностью для людей. Социальная наука — это применение научных методов и техник к изучению конкретных ситуаций, событий и всего сценария современного общества, поскольку они непосредственно связаны с социальными целями и ценностями. Объяснение и понимание направлены на трактовку определенного общества, «на исторически данные конфигурации» (Вебер 1990: 608–614). Социальные науки изучают то, что связано с представлениями людей о благе. Они стремятся к каузальному объяснению исторических ситуаций. В отличие от естествоиспытателя главная цель представителя социальных наук не заключается в открытии универсальных законов и редукции сложных феноменов к составным элементам. Система взаимосвязанных утверждений, из которых можно дедуцировать действительность, не является конечной целью социального знания. Действительность проявляется в событиях, которые имеют место в обществе. И поэтому она не может быть выведена из законов, которым подчиняются события. Такого понимания можно достичь, устанавливая отношения, связи между тем, что дано в наблюдении в настоящий момент, и другими индивидуальными конфигурациями, а не относя это к какой-либо категории из номологических универсалий.

Конечно, отыскиваемое отношение может оказаться случайным, но важно учесть, что это конкретное определение одного индивида другим, а не абстрактное отношение. Вопрос причинности, утверждает М. Вебер, «это не вопрос отнесения события к какой-то группе под какой-то общей рубрикой, как репрезентативный случай, но вопрос приписывания его вследствие какого-то объединения». Знание законов важно, ценно для «наук о культуре», так как это «стимулирует и делает возможным каузальное приписывание их к конкретным причинам тех компонентов явления, индивидуальность которых важна с точки зрения культуры» (Weber 1949: 78–79).

Развивая эту мысль, Вебер пишет, что такая позиция не предполагает отказа от поиска законов в сфере поведения человека. Это не отрицает интереса к таким законам. Вебер только настаивает на том, что интерес не является конечным пунктом поиска, он является инструментом для достижения других целей. Создание правил является скорее средством, чем результатом. Можно обнаружить абстрактную универсалию, но только для того, чтобы понять конкретного индивида. Отметим, что для выполнения этой функции пригодны и некаузальные законы. С какой бы трактовкой природы понимания и объяснения мы ни столкнулись, следует признавать, по крайней мере, потенциальный вклад любого знания о стабильных связях между событиями. Даже абстрактные формулировки по этой причине не лишены смысла и содержания, полагает М. Вебер, только их применения к конкретным вопросам требует детализации, уточнения, более сложной спецификации. Более абстрактный закон не уводит от «богатства реальности», напротив, он богаче по своему значению.

Широко известны слова Вебера: «Если в астрономии наш интерес направлен только на чисто количественные, доступные точному измерению связи между небесными телами, то

в социальных науках нас, прежде всего, интересует качественная окраска событий. К тому же в социальных науках речь идет о роли духовных процессов, “понять” которые в сопереживании — совсем иная по своей специфике задача, чем та, которая может быть разрешена (даже если исследователь к этому стремится) с помощью точных формул естественных наук» (Вебер 1990: 371). Ясно, что Вебер различает естественные и социальные науки, и его различие связано с трактовкой целей и объектов данных наук как противоположных. Но логика и методы научного исследования в обоих случаях едины. М. Коэн утверждает: «В отличие от физики социальная наука не интересуется законами повторения одних и тех же элементов, а также законами индивидуальной психики. Она занята поиском законов, определяющих отношения моделей высокой степени сложности» (Cohen 1931: 343). И М. Вебер, и М. Коэн считают различие между естественными и социальными науками тематическим, а не онтологическим. Такое тематическое различие базируется на использовании разных источников информации и разных понятий. Например, социальная наука может пользоваться понятиями повседневного языка, а не только абстракциями философии и математики.

Для того чтобы обосновать идею о том, что все науки подчиняются одним и тем же правилам обоснования знания и стремления к объективности, у Вебера используется концепция генерализирующих процедур в социальных науках (Абель 2003: 50–52). Только знание закономерностей «...дает возможность приписывать конкретные причины неповторимым аспектам явлений, которые относятся к ценностям. Без номологического знания (то есть знания каузальных связей) никакое объяснение невозможно. Определенность приписывания каузальных связей повышается тогда, когда общее знание более достоверно и всесторонне» (Weber 1922: 179). Главная функция генерализаций, согласно М. Веберу, состоит в том, что они служат промежуточной целью при эмпирическом обосновании утверждений. Закон фиксирует связь между исходными условиями и событием, которое должно быть объяснено.

Ни средства, ни результаты в методологии М. Вебера не являются абсолютными: результат, который ищут, не является окончательным пунктом исследования, а средства достижения не являются чем-то только обсуждаемым, но принимают участие в процессе. Ученый может быть заинтересован в знании обобщения, чтобы понять частность. Частность, в свою очередь, может иметь научное значение для него из-за вклада, который частность делает в поиск общего. Ученого могут интересовать и факты, и законы, как вместе, так и по отдельности, в зависимости от того, как они могут прояснить друг друга. В любом случае, использование обобщений, а не научных результатов как средства для понимания частностей, не составляет различия между «науками о культуре» и «науками о природе». Геологию и метеорологию интересует данная территория, земля и воздух в определенном месте и в определенное время, и они применяют законы физики и химии к «определенным историческим конфигурациям». Среди ученых историки и педагоги не составляют отдельные академические категории ученых только потому, что их научный интерес фокусируется на частностях; значение имеет то, как он движется к общему и от общего.

Значительные споры велись и ведутся по вопросу о том, можно ли вообще сформулировать научные законы, лежащие в основе и в какой-то степени управляющие поведением человека.

Можно оттолкнуться от точки зрения, которая гласит — «науки о культуре» сконцентрированы на частностях. Тогда появляется аргумент, что не может быть здесь никаких законов, так как каждый индивид, попадающий в поле зрения ученого, уникален, в то время как законы имеют дело с чем-то, что является общим для многих случаев. Видимо, обе предпосылки верны. Но из них не вытекает подобный вывод. Конечно, каждый отдельный случай в общественной жизни уникален, исторически не повторим. Здесь можно вспомнить принцип Лейбница об идентичности неразличимых предметов — вещи, которые нельзя отделить друг от друга — это по сути одна вещь. Уникальность

это не более чем просто повторное утверждение индивидуальности. Но каждую частность, изучаемую в физической и биологической науке, также можно рассматривать как уникальную, как индивидуальность. Законы любой науки группируют индивидуальности на основе схожести в том или ином отношении, а не на основе идентичности. Законы имеют дело с тем, что является общим для многих, но уникальность не предполагает, что нечто не является общим для многих индивидуальностей. Закон предполагает, что не всё является общим для них. Закон требует повторяемости, так как формулирует постоянство повторения. А то, что повторяется — уже не тот же самый случай, такой представить себе довольно трудно, а уже другой, но такого типа, который был ранее, типа, служащего целям обобщения. Такое требование вполне можно отнести к законам о людях, совместно сосуществующих, так же, как и к законам о других объективно существующих мирах.

Есть ещё один аргумент, который настаивает на том, что изучение человека имеет целью найти то, что отличает одного человека или одну историческую ситуацию от других, но не поиск общего между ними. Но нельзя забывать, что различия понимаются и объясняются с обязательной ссылкой на сходство. То, как мы понимаем индивида, является результатом обобщения. Это процедура идентификации, на которую мы обратили внимание ранее. В большом числе реальных наблюдений, на которые ориентируются наши исследования, в каждом конкретном случае мы находим типичное и характерные черты этого типичного. В каждом конкретном социальном исследовании ученый может заметить сотни наблюдавшихся ранее регулярностей в самых разных отношениях. Понять отдельную личность или определенную конфигурацию событий, значит знать, какого типа эта личность или событие. Если мы не можем сделать никаких обобщений, у нас не будет возможности углублять наши знания о субъекте наблюдения.

Подобное обобщенное знание служит в свою очередь основанием для дальнейших обобщений. Каждая частность является элементом типического, проблемой является уточнение аспектов репрезентации. Забавно, что романтизм воображает любовь как чувство, неизменно фиксируемое на единственном, неповторимом индивиде, однако платонизм, из которого романтизм черпает вдохновение, рассматривает индивида как часть пути к всеобщему, универсальному. И действительно, то, что представляется реальным индивидом, на самом деле посредством этого становится типом: парадокс, хорошо известный в искусстве. Возможно, по этой причине история близка литературе. Не потому, что персонажи и события художественной литературы достаточно подробны, наоборот, потому что для художественной литературы, так же как для мифа важно отражение универсальности в частном случае. Например, в легенде об Эдипе и для антрополога, и для историка, и для психолога важно не главное действующее лицо легенды, а реальность, которую оно помогает раскрыть.

Разумеется, мы не утверждаем, что знание отдельного случая, каким бы оно ни было глубоким и всеобъемлющим, само по себе служит обоснованию общего закона. Это было бы ошибкой. Конкретный случай не подтверждает обобщения, но может скорректировать формулировку и тестирование, проверку. Отдельный случай может повлиять на значение, но не на конечную истину. В этом смысле можно говорить о парадигме, особом случае, репрезентативном для обобщения, содержание которого таким образом делается очевидным. Подобная парадигма похожа на то, что Ф. Бэкон в своем труде «*Novum Organum*» назвал «наглядными примерами», которые демонстрируют природу в исследовании обнаженной, в экзальтированном состоянии или на пике силы, свободной от помех, или, по крайней мере, с силой, преобладающей над ними и подавляющей их» (Бэкон 1935: 114).

Другой традиционный аргумент против правомерности, возможности законов в социально-политической сфере основан на популярном в исторической среде сюжете «спускового крючка». «В делах людей самые незначительные причины могут вызывать самые серьезные результаты, и фактическое применение научного метода остается под вопросом» (Jevons 1892: 761). Классическим является пример Паскаля в отношении носа

Клеопатры — если бы он был на четверть дюйма длиннее, история мира была бы иной. Эти примеры на основе ошибочной драматизации предлагают простое и поэтому привлекательное объяснение событий в обществе. Без сомнения, можно было бы привести множество таких удивительных случаев. Но вспомним: даже целая стая ласточек не делает лета. Одно дело, объясняя ход событий сказать, что не все события следуют предполагаемому, спрогнозированному образцу, и совсем другое — что ни одно не следует. Здесь важна не формальная логика, не её недостаток. Дело в том, что в большом числе случаев каждый день можно наблюдать и узнавать образцы поведения людей и социальных действий. Если бы этого не происходило, люди оказались бы беспомощны и дезориентированы в жизни.

Большой методологический интерес представляет то, что «механизм курка» совсем не исключает возможности существования законов, даже предполагает их. Законы в каждом случае проявляют себя в причинно-следственных последовательностях: из-за отсутствия гвоздя была потеряна подкова, из-за отсутствия подковы была потеряна и лошадь... Вопрос заключается даже не в том, существуют ли правила, а в том, можно ли их обнаружить и сформулировать. Следует отметить, что диспропорция между причиной и результатом здесь незаметна. Сам по себе «механизм курка» делает возможным идентифицировать некие «курки» или наблюдать последствия того, как они были спущены.

Вебер также обращал внимание на такого типа попытки обобщения. Он выделил особый тип законов, базирующихся на опыте и адекватной каузальности. Т. Абель назвал эти законы «максимами поведения» (Абель 2003: 51–53). Они относятся к мотивам поведения и подтверждаются непосредственным опытом личности, объясняя наблюдаемые связи социальных явлений. Точка зрения Вебера на максимы поведения заключается в следующем. 1. Максимы поведения могут формулироваться задним числом, если требуется их объяснение. 2. Большинство максимум банальны, так как отражают рутину повседневной жизни и считаются самоочевидными. 3. Объясняющие поведение человека законы должны формулироваться в терминах, обеспечивающих доступность социокультурного смысла описываемых явлений. Г. Блумер назвал такие обобщения «ощутимыми понятиями» (Blumer 1969: 101), полезность таких терминов зависела от того, насколько они наталкивают на мысль о специфике опыта чего бы то ни было.

Научные законы не управляют событиями, их нельзя сравнивать с социальными нормами, законами и обычаями, управляющими действиями людей. Нельзя навязать научный закон или нарушить его и понести наказание за нарушение. В любом эмпирическом, прагматическом смысле «свобода» несовместима с действием естественного закона. Мы не можем уничтожить контракт, по поводу которого без принуждения взяли на себя обязательства, только на том основании, что причиной этих обязательств были наследственность и окружение. Нам не избежать принуждения политики, экономики, психологии и других дисциплин, только настаивая на том, что ничто нас не заставляет делать то, что мы делаем. Различие между свободным выбором и вынужденным поведением проходит в причинно-следственной сфере, а не между этой сферой и ещё чем-то, что лежит за её пределами. Свободный выбор не является беспричинным, но таким выбором, причины которого включают стремления и знания человека. И нет априорных причин, по которым свободно сделанный выбор должен отказываться демонстрировать следование любым регулярностям.

Совершенно другой взгляд был общепризнанным и преобладал в течение последних полутора веков. В художественной форме он выражен в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». А именно, что поступки и действия людей по большей части определены социальной ситуацией и логикой социальной жизни. Заявлялось о неизбежных сценариях будущих событий. Вероятно, по прошествии двадцатого века можно назвать такой взгляд апокалипсическим детерминизмом, так как он ассоциируется с различными вариантами философии истории, открывающими нам нашу неминуемую

судьбу. Во многом такой взгляд нашел своё отражение в концепции законов истории марксизма, в традиции историзма.

В целом, законы формулируют то, что произошло бы при различных наборах условий. Историческая ситуация накладывает ограничения на условия, которые можно получить и, таким образом, на возможности, которые могут последовать. Настаивать на том, что эти ограничения настолько узки, что оставляют только один возможный выбор, значит возвращаться к исходному вопросу. То, что выбор ограничен, не подразумевает, что выбора вообще нет. В любой конкретной ситуации, с которой сталкиваются люди, всегда есть выбор. Державы, входящие в ядерный клуб, могут демонтировать ядерное оружие, но могут и применить его в той или иной ситуации. Радиоактивное заражение территории как физический фактор, характеристика окружающей среды объективен. История фиксирует альтернативы, которые дают людям возможность самого разного, подчас противоречивого выбора, а законы истории регистрируют последствия, которых следует ожидать. Из существования тех или иных законов и закономерностей поведения людей вовсе не следует, что нет альтернатив разворачивающейся модели социального развития. Для такого вывода потребовался бы закон, который специально подтвердил бы существование такого примера — закон, который мы ранее назвали «законом образца». Такого закона пока нет, да и может ли он появиться?

Думается, что в основе доктрины исторической неизбежности, историцизма лежит путаница в постановке вопроса. Познание научного типа действительно предполагает фиксированный порядок событий. Процедура упорядочения характерна для любого исследования. В целом прогресс науки можно рассматривать в широком смысле слова как движение от эмпирического неупорядоченного факта к рациональной теории. Ученый никогда не останавливается на знании о социальном процессе, факте. Всякий социальный исследователь стремится выяснить, что должно быть истинным, а не только, что оказывается истинным в определенное время в определенном месте. Чтобы понять событие, как рекомендовал Спиноза и предполагает рационалистическая традиция, надо понять, почему оно происходит, увидеть его как необходимое следствие работы общих принципов. С точки зрения методологии достаточно того, что ученый работает с целью преобразовать описательные обобщения в законы, а отдельные, изолированные законы в свою очередь в систематические, структурированные теории.

Сейчас детерминизм чаще всего понимается как существенный элемент научного взгляда: поиск законов и их объединение в теорию воспринимается как вера в упорядоченность физического и социального мира. Космос — мировой порядок, зафиксированный естественными науками, общественные науки берут на себя трансляцию веры в упорядоченность социального мира.

Но научное исследование всегда предметно, специфично и ограничено. Ученые не изучают «мир» в целом, а только довольно ограниченную часть мира или его аспект. Даже космологи имеют специфические и ограниченные интересы, если они ученые, а не метафизики. Содержание исследования, в котором определяются цели исследования, всегда конкретно и определено, независимо от степени абстрактности и общего характера его предмета. И Ньютон, и Эйнштейн имели под рукой определенное количество наблюдений и гипотез, которые ими объединялись и объяснялись. Предположение о мире как о едином целом только предполагается как фон исследования, которое базируется на знании о предмете исследования. Утверждать, что на всё в мире есть своя причина — это больше, чем нужно ученому, занятому исследованием определенного аспекта этого мира. Достаточно знания, что все события, которые его интересуют, увязаны в причинно-следственную сеть.

Для науки важнее ограниченный детерминизм, который не является посылкой, а только предположением для поиска новых законов. Такой ограниченный детерминизм, в отличие от всеобщего детерминизма философии, можно назвать методологическим детерминизмом. Он предполагает, что законы стоит искать, что они действительно

существуют, но совсем не то, что они обязательно существуют всегда и везде. Рыбаку не обязательно знать или верить в то, что в реке есть рыба, достаточно, если он знает, что его удочка позволяет ему её поймать, если она есть.

Литература

- Абель Т. Социология: Основы теории. М.: Вузовская школа, 2003.
- Бэкон Ф. Новый Органон. М., 1935.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М.: Книжный дом «Университет», 1997.
- Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994.
- Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д: «Феникс», 2003.
- Blumer H. Symbolic Interactionism. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Braithwaite R.B. Scientific Explanation. Cambridge (Eng.), 1956.
- Cohen M. Reason and Natura. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1931.
- Dewey J. Logic, the Theory of Inquiry. N.Y., 1939.
- Jevons W.S. The Principles of Science. London, 1892.
- Nagel E. The Structure of Science. N.Y., 1961.
- Pearson K. The Grammar of Science. London, 1943.
- Reichenbach H. Theory of Probability. Berkeley, 1949.
- Weber M. Wissenschaftslehre. Tübingen: Mohr, 1922.
- Whitehead A.N. Science and Modern World. N.Y., 1948.
- Wiener P.P. (ed.). Readings in the Philosophy of Science. N.Y., 1953.